

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

С74

L. Sprague de Camp

LEST DARKNESS FALL

Copyright © 1941 by L. Sprague de Camp

ROGUE QUEEN

Copyright © 1951 by L. Sprague de Camp

THE TRITONIAN RING AND OTHER PUSADIAN TALES

Copyright © 1953 by L. Sprague de Camp

Оформление *Р. Фахрутдинова*

Спрэг де Камп, Лайон.

С74 Самое сильное заклятье / Лайон Спрэг де Камп ; [перевод с английского Г. Корчагина, В. Баканова, Л. Соловьевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 640 с.

ISBN 978-5-04-103876-2

Сборник «Самое сильное заклятье» Лайона Спрэга де Кампа включает избранные классические произведения:

ДА НЕ ОПУСТИТСЯ ТЬМА! Римская империя распространила порядок, культуру и цивилизацию по всему Древнему миру. Когда Рим пал, свет разума угас по всей империи. Началось тысячелетие Темных веков. Может ли наш современник предотвратить падение Рима?

КОРОЛЕВА ИЗГОВЕВ. Команда земного звездолета попадает в далекий и крайне странный мир. А встреча с его обитательницами породила беспорядок в местной политике, сексе и религии, нарушила баланс сил и вызвала самый увлекательный хаос.

КОЛЬЦО ТРИТОНА И ДРУГИЕ ПУСАДИАНСКИЕ РАССКАЗЫ. Боги Пусадииана — или Атлантиды — были реальны и могущественны. Они хотят вернуть свою власть, уничтожив королевство, которым правит отец единственного человека, чьи помыслы им неизвестны. Единственный способ спасти королевство — найти то, чего боги боятся больше всего, — Кольцо Тритона.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© В. Баканов, перевод на русский язык, 2020
© Г. Корчагин, перевод на русский язык, 2020
© Л. Соловьева, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-103876-2

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я
!

ДА НЕ ОПУСТИТСЯ
ТЬМА!

Глава 1

Танкреди вновь оторвался от руля и экспансивно взмахнул руками.

— ...завидую, доктор Пэдуэй! Вся наша работа в Риме так, ерунда. Ничего масштабного, ничего нового. В лучшем случае — реставрация. Тьфу!

— Увы, профессор Танкреди, — терпеливо произнес Мартин Пэдуэй, — я пока не доктор, хотя, надеюсь, и получу степень, если напишу путную статью о ливанских раскопках.

Будучи по натуре водителем крайне осторожным, он судорожно сжимал кулаки, а его правая нога давно затекла от постоянного напряжения и попыток проломить пол маленького «Фиата».

Танкреди схватился за руль как раз вовремя, чтобы на волосок разминуться с величественной «Изоттой».

— Какая разница? У нас здесь каждый «доктор», а доктор он или нет... Вы меня понимаете? С вашими способностями и умом... Так о чем я говорил?

— Трудно сказать. — Мартин закрыл глаза, чтобы не стать свидетелем неминуемой гибели пешехода. — Вы говорили о письменах этрусков, затем о природе времени, затем о римской археоло...

— Ах да, природа времени! Есть у меня одна маленькая идея, понимаете? Все те люди, которые исчезли, они просто-напросто сделали саквояж.

— Что сделали?

— Ну, вояж, совершили путешествие! Во времени. И с той точки в прошлом, где они возникли, история пошла другим путем.

— Получается парадокс, — заметил Пэдуэй.

— Не-е, ствол дерева времени сохранился, просто появились новые ветви. Понимаете, доктор? Таким образом, существует, воз-

можно, много вариантов хода истории. Они могут и не очень отличаться от нашего. К примеру, занесло пропавшего на дно океана. Ну, съели его рыбы — и все! Или тамошние жители сочли его сумасшедшим; или попросту убили. Ничего не изменится, правда? Но допустим, он стал королем. Что тогда? Presto, новый ход истории!.. История — это сеть из четырех измерений, сеть прочная, но и у нее есть свои слабые места. Узловые моменты, я бы даже сказал, фекальные точки — в них-то и происходят провалы.

— Какие фокальные точки? — спросил Пэдуэй, привычно не обращая внимания на оговорки итальянского коллеги.

— О, например Рим, где пересекаются мировые линии многих знаменитых событий. Или Стамбул. Или Вавилон. Помните того археолога, Скржетузски, исчезнувшего в Вавилоне в 1936 году?

— Я думал, его убили арабы-террористы.

— Ха, тела-то не нашли!.. Рим, похоже, вскоре вновь станет средоточием великих событий. Следовательно, сеть здесь ослабнет.

— Лишь бы Форум не бомбили, — произнес Пэдуэй.

— Какие бомбы?! Серьезных войн больше не будет — все знают, что это чересчур опасно. Но оставим политику. Сеть времени, как я сказал, прочна. Если человек и проваливается в нее, то на это требуется масса энергии. Вот мухе, по-вашему, легко вырваться из паутины? — Танкредди, широко улыбаясь, повернулся к молодому археологу. В следующие несколько секунд он успел резко затормозить, высунуть голову в окно, осыпать потоком ругательств несчастного пешехода и вновь повернуться к Пэдуэю. — Вы не откажетесь завтра прийти ко мне на ужин?

— Что?.. Да, с удовольствием. Я отплываю..

— Sì, sì. Я покажу вам свои уравнения. Но прошу — ни слова моим коллегам, понимаете? — Профессор снял руки с руля и патетически воздел их к небу. — Безвредное чудачество, однако может пострадать моя профессиональная репутация.

— Ох! — вырвалось у Пэдуэя.

Танкредди ударил по тормозам, и «Фиат», визжа покрывками, замер перед выползшим на перекресток грузовиком.

— Так о чем я говорил?

— О безвредных чудачествах, — ответил Пэдуэй. Ему хотелось добавить, что уж манеру вождения Танкредди к ним причислить нельзя. Но профессор был так добр к нему..

— Ах да! Стоит, знаете ли, только пойти слухам... Вы женаты?

— Что?.. — Пора бы уже привыкнуть, подумал Пэдуэй. — Э-э... женат.

— Чудесно. Приходите с супругой. Отведаете настоящей итальянской кухни, а не эти набившие оскомину спагетти с мясными шариками.

— Моя жена в Чикаго.

Пэдуэй не стал объяснять, что вот уже больше года они живут порознь. И разве в этом виновата только Бетти? Конечно, женщине такого происхождения и таких вкусов он кажется просто невыносимым: плохо танцует, не желает играть в бридж... А что для него развлечение? Просидеть весь вечер в компании себе подобных за разговорами о будущем капитализма или об интимной жизни американских лягушек?!. Сперва Бетти увлеклась экзотическими экспедициями, однако, вкусив прелестей походного существования и насмотревшись на мужа, бормочущего над черепками, быстро остыла.

Да и смотреть-то, в сущности, было не на что — невысокий, тихий, с оттопыренными ушами и большим носом. В колледже его прозвали Мышом... Нет, сам виноват. Человеку, часто выезжающему в экспедиции, вообще противопоказано жениться. Недаром среди работающих в поле — антропологов, палеонтологов и прочих — такой уровень разводов...

— Высадите меня, пожалуйста, у Пантеона, прогуляюсь немного. Да и до гостиницы рукой подать.

— Хорошо, доктор. Но боюсь, как бы вы не промокли — будет дождь.

— Ничего, у меня при себе непромокаемый плащ.

Танкреди выразительно пожал плечами и утопил педаль газа; машина рванула вперед. У Пантеона Мартин вышел, а профессор, размахивая руками, умчался с криком:

— Так, значит, завтра в восемь! Жду!

Несколько минут Пэдуэй рассматривал знаменитое здание. Коринфский фасад на кирпичной ротонде — что тут красивого? Разумеется, если учесть, когда все это строилось, нужно отдать должное инженерному искусству, однако...

Его сбил с мысли (хорошо, что не с ног!) невесть откуда вскочивший мотоциклист в военной форме, и Пэдуэй не спеша направился к кучке празднующихся итальянцев у портика.

А все-таки хорошая страна! Главное, по сравнению с местными он не выглядит коротышкой...

Вдали загромыхало, упали первые капли.

Пэдуэй ускорил шаг. Плащ плащом, но было жаль новую шляпу. Двенадцать тысяч лир!

Ослепительная молния расколола небо над площадью пополам. Следом обрушился чудовищный удар грома, и тут же из-под ног ушел асфальт. Мартин, ослепленный вспышкой, будто завис в тумане. Потом что-то ударило в подошвы с такой силой, что он едва не упал.

— О, ч-черт!

Перед глазами наконец прояснилось. Дождь хлестал вовсю, и Пэдуэй, выбравшись из какой-то ямы, вбежал под портик Пантеона. Стояла такая темень, что не мешало бы уже включить освещение. Однако фонари не горели.

Пэдуэй с удивлением отметил, что красный кирпич ротонды местами покрыт мраморными плитами. Не иначе как результат тех реставрационных работ, на которые сетовал Танкреди.

Безразличным взглядом Пэдуэй скользнул по фигуре случайного прохожего. Потом глаза его округлились: на мужчине вместо плаща и брюк была грязно-белая шерстяная тога.

Странно. Впрочем, если человеку хочется носить тогу, это его личное дело.

Мартин повернулся...

Под портик, укрываясь от дождя, забежало довольно много людей — все до единого в тогах, некоторые еще и в накидках. Кое-кто без особого любопытства поглядывал на Пэдуэя.

Когда через несколько минут дождь утих и небо очистилось, Пэдуэй впервые испытал настоящий страх. Дело было не только в тогах. Сам по себе этот факт, каким бы странным он ни казался, вполне мог иметь разумное объяснение. Но подобных фактов было такое множество, что все они не укладывались в сознании.

Вместо асфальтовой мостовой — грубо отесанные каменные плиты. Площадь по-прежнему окружали дома — однако совсем другие. А здания сената и министерства связи — отнюдь не маленькие строения — попросту исчезли.

Изменились и городские шумы. Вдруг смолкли громкоголосые клаксоны такси. Такси вообще не было. Зато медленно и со скрипом протащились по улице Минервы две повозки.

Пэдуэй принюхался. Чесночно-бензиновый букет современного Рима уступил место богатейшей симфонии запахов деревни, где главная — и наиболее благородная — партия принадлежала, безусловно, лошади. В воздухе чувствовался и аромат благовоний, плывущий из Пантеона.

Появилось солнце. Пэдуэй вышел под его лучи и задрал голову вверх. Портик по-прежнему венчала надпись, приписывающая величественное строение Агриппе. Украдкой оглянувшись по сторонам, Мартин шагнул к ближайшей колонне и ударил по ней кулаком.

И скривился от боли, содрав в кровь кожу с суставов.

«Я не сплю. Для сна все это слишком реально и осязаемо. А если я не сплю, значит, я сошел с ума...» Но, исходя из такого предположения, очень трудно выработать логичную систему действий.

А эта теория, которую излагал Танкредо... Так что же, он на самом деле провалился во времени или произошло нечто такое, что заставило его вообразить, будто он провалился во времени? Идея провала во времени Пэдуэю активно не нравилась. От нее пахивало метафизикой, а Мартин относил себя к убежденным эмпирикам.

Оставалась другая возможность — амнезия. Предположим, удар молнии на какое-то время отшиб ему память... затем что-то вновь ее пробудило. Мало ли что могло произойти, прежде чем он очутился в этой копии Древнего Рима! Может, это съемки фильма? Или, к примеру, Бенито Муссолини, тайно мнивший себя воплощением Юлия Цезаря, велел своему народу жить в классическом древнеримском стиле...

Пэдуэй прислушался к болтовне двух зевак. Сам он изъяснялся по-итальянски довольно сносно, но не мог понять даже смысла их разговора, хотя звучание языка казалось знакомым. Почему-то вспомнилась латынь — и тут речь зевак стала более понятной. Пэдуэй пришел к выводу, что они используют позднюю форму вульгарной латыни; скорее язык Данте, чем язык Цицерона. Отчаянно напрягая память, он даже мог попробовать сам: «*Omnia Gallia e devisa en parte trei, quato una encolont Belge, alia...*»¹

¹ Пэдуэй на смеси латыни и итальянского припоминает начальную фразу из «Записок о галльской войне» Гая Юлия Цезаря: «*Вся Галлия разделена на три части, из которых одна называется Бельгия...*» (*Здесь и далее примечания переводчика*)

Зеваки заметили, что их подслушивают, нахмурились и, замолчав, отошли в сторону.

Да, гипотеза провала в памяти, пусть и непривлекательная, все же сулила меньше осложнений, чем теория провала во времени.

А если все это — плод его воображения? Может, он стоит перед Пантеоном и воображает, что окружающие носят тоги и говорят на языке середины первого тысячелетия? Или лежит в больнице, пораженный ударом молнии, и воображает, будто стоит перед Пантеоном? В первом случае следует найти полицейского и попросить отвести себя к врачу. Во втором случае этого делать уже не надо...

«Лучше перестраховаться, — решил Пэдуэй. — Один из прогуливающихся здесь людей в действительности наверняка полицейский... Что это я говорю, — спохватился он, — «в действительности»? Пусть себе ломает голову Бертран Рассел! Как бы найти...»

Вот уже несколько минут вокруг вился нищий горбун, но Пэдуэй был глух, как столб, и несчастный уродец, отчаявшись, поплелся прочь. Теперь к Мартину обращался другой человек — мужчина, у которого на раскрытой ладони правой руки лежали четки с крестиком. Большим и указательным пальцами правой руки он сжимал застежку четок и то поднимал свою правую руку, так что четки свисали во всю длину, то опускал их снова на левую ладонь, при этом не переставая что-то говорить.

Каким бы диким ни казалось все происходящее, теперь Пэдуэй по крайней мере убедился, что он все еще в Италии.

— Вы не подскажете, где найти полицейского? — по-итальянски произнес Мартин.

Торговец умолк, видя, что товар не находит спроса, пожал плечами и ответил:

— Non compr'endo.

Сосредоточенно нахмурившись, Пэдуэй попытался перевести вопрос на латынь.

Мужчина подумал и сказал, что не знает.

Пэдуэй начал было поворачиваться, когда продавец четок крикнул другому торговцу:

— Марко! Господин желает найти полицейского.

— Господин — настоящий храбрец! Или просто сумасшедший, — отозвался Марко.

Продавец четок рассмеялся; рассмеялись и еще несколько человек поблизости. Пэдуэй тоже позволил себе легкую улыбку: эти люди хоть и не могли ему помочь, но по крайней мере были похожи на людей.

— Пожалуйста. Мне... очень... нужно... найти... полицейского, — произнес Мартин.

Второй торговец, с большим подносом медных украшений, выразительно покачал головой и разразился длинной тирадой. Пэдуэй, не разобрав ни слова, обратился к продавцу четок:

— Что он сказал?

— Он сказал, что не знает, где найти полицейского. Я тоже не знаю.

Мартин сделал шаг в сторону, но продавец четок его окликнул:

— Господин!

— Да?

— Может быть, ты говоришь об агенте городского префекта?

— Да.

— Марко, где господину найти агента городском префекта?

— Не знаю, — сказал Марко.

Продавец четок пожал плечами:

— Я тоже не знаю.

Если бы дело происходило в современном Риме, найти полицейского было бы проще простого. И даже сам великий Бенни не смог бы заставить горожан общаться на другом языке. Следовательно, сделал вывод Пэдуэй, он попал или: 1) на съемки фильма, или: 2) в Древний Рим (теория Танкреди), или: 3) в мир, созданный собственным большим воображением.

Мартин двинулся в путь — продолжение разговора требовало от него слишком больших усилий. Вскоре все его надежды относительно съемок фильма рассыпались в прах. Древнему городу, казалось, не было конца, и даже самой планировкой он разительно отличался от современного Рима.

Вывески лавок были на классической латыни. Правописание в отличие от произношения сохранилось без изменений со времен Цезаря. Узкими переулками, редкими прохожими, всем своим сонным патриархальным видом город напоминал Филадельфию.

На сравнительно оживленном перекрестке мужчина в кожаных штанах и яркой полосатой рубаше регулировал уличное движение. Восседая на лошади и что-то иногда выкрикивая, он порой

поднимал руку и останавливал повозку, чтобы пропустить, к примеру, носилки знатного патриция. Пэдуэй прислонился к стене дома и стал вслушиваться. Всадник говорил слишком быстро; слова казались Мартину знакомыми, однако смысла уловить он не мог. Это было мучительно и сравнимо лишь с бессильной яростью рыбака, у которого поклевывает, но не берет. Огромным напряжением воли Пэдуэй заставил себя думать на латыни. Окончания путались, и все же, если придерживаться простых фраз, словарного запаса хватало. Мартин заметил, что с него не спускают глаз сбившиеся в стайку мальчишки. Когда он строго посмотрел на них, они захихикали и убежали.

Итак, оставалось два варианта: сумасшествие и провал во времени. Причем версия сумасшествия теперь представлялась менее вероятной. Пэдуэй решил исходить из предположения, что факты именно таковы, какими они кажутся.

Но что делать? Нельзя же торчать здесь вечно, глазеть на перекресток! Надо порасспрашивать, надо сориентироваться, надо разработать план действий!.. Беда в том, что Пэдуэй с детства робел перед незнакомцами. Дважды он открывал рот — и замирал, не в силах произнести ни звука. Наконец он сумел взять себя в руки.

— Прошу прощения, какое сегодня число?

Человек, к которому обратился Мартин — добродушного вида мужчина с буханкой хлеба под мышкой, — застыл на полушаге. Его лицо отразило полнейшее недоумение.

— Qui'e? Что?

— Меня интересует дата, — медленно произнес Пэдуэй.

Прохожий нахмурился. «Быть беде!» — с опаской подумал Мартин. Однако мужчина лишь сказал:

— Non compr'endo.

Пэдуэй нашарил в кармане карандаш, вытащил блокнот и записал свой вопрос на бумаге.

Прохожий уставился на листок, напряженно шевеля губами. Наконец лицо его просветлело, и он воскликнул:

— А, так ты хочешь узнать дату?

— Sic, дату.

Мужчина выдал длинную тираду. С таким же успехом он мог говорить на тарабарском наречии. Пэдуэй отчаянно замахал руками:

— Lento!

— Я сказал, что понял тебя, чужеземец. По-моему, сегодня девятое сентября, хотя точно не уверен — забыл, когда была годовщина свадьбы моей матери, три дня назад или четыре.

— А какой год?

— Какой год?

— Sic, какой год?

— Тысяча двести восемьдесят восьмой Anno Urbis Condita¹.

Теперь уже Пэдуэй застыл в недоумении.

— А какой это будет в христианском летоисчислении? — наконец произнес он.

— Ты хочешь знать, сколько лет прошло после рождения Христа?

— Нос ille, верно.

— Ну.. Понятия не имею. Спроси лучше у священника, чужеземец.

Мужчина пошел дальше по своим делам, а Пэдуэй остался на месте. Прохожий его не укусил и на вопросы отвечал довольно любезно, но у Мартина подгибались колени. Похоже, что он, человек глубоко миролюбивый и спокойный, попал не в самое спокойное время.

Так что же делать? Что вообще следует делать любому разумному человеку в подобной ситуации? Обеспечить себя кровом и найти способ существования.

Мартин завернул в глухой переулок и тщательно изучил содержимое своих карманов. От увесистой пачки итальянских банкнот проку было не больше, чем от сломанной мышеловки за пять центов, даже меньше — мышеловку все-таки можно починить и использовать. Чеки «Америкэн Экспресс», водительское удостоверение, выданное штатом Иллинойс, ключи в кожаном чехольчике... Вся эта дребедень и гроша ломаного не стоит. Зажигалка, ручка, карандаш — это имеет какой-то смысл, пока не пересох фитиль, не исписались чернила и грифель. Часы и перочинный ножик стоят здесь, безусловно, немало, но Пэдуэю хотелось сохранить их как можно дольше.

Он пересчитал горстку мелочи. Всего монет было двадцать, включая четыре серебряные, на общую сумму сорок девять лир

¹ От основания города.